

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

СКАЗАНИЕ И ПОХОЖДЕНИЕ О ХРАБРОСТИ, О МЛАДОСТИ,
И ДО СТАРОСТИ ЕГО БЫТИЯ, МЛАДАГО ЮНОШЫ
И ПРЕКРАСНАГО РУССКОГО БАГАТЫРЯ,
ЗЕЛО ПОСЛУШАТИ ДИВНО, ЕРУСЛОНА ЛАЗАРЕВИЧА

Бысть во царствѣ царя Картауса Картаусовича дядюшка ево, князь Лазарь Лазаревичь, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслон Лазаревича. И какъ будетъ Еруслонъ Лазаревичь четырехъ лѣтъ по пятому году, и сталъ ходить на царев дворъ и шутить шутки не гораздо добры: ково хватить за руку — у того рука прочь, ково хватить за голову — у того голова прочь, ково хватить за ногу — у того нога прочь.

И тутъ промеж себе князи и боляре и сильныя гости учали совѣтъ сотворяти: «Поидемъ мы бити челомъ к царю Картаусу Картаусовичю, и речемъ ему: „Есть у тебя, царю, дядюшка князь Лазарь Лазаревичь, а у него сынъ Еруслон Лазаревич, и ходитъ он ко царю на двор, и шутить шутки с нашими детми не гораздо добры: ково хватить за голову — у того голова прочь, ково хватить за ногу — у того и нога прочь”». И что зговоритъ царь Картаусъ ко своему дядюшке: «Гой еси дядюшка Лазарь Лазаревичь! Есть у тебя сынъ Еруслон Лазаревичь, и он ходитъ ко царю на дворъ, и шутить шутки не гораздо добры; и сынъ твой во царствѣ не надобенъ, — лутчи ево вонъ выслать ис царства».

И тутъ *стал* князь Лазарь Лазаревичь, услышал от царя Картауса Картаусовича себѣ слово кручинное, поѣхал от царя невесель, повѣсил свою буйну главу ниже плечь своих.

Ажно встречается сынъ его Еруслон Лазаревичь, не доеждаючи отца своего, слазить з добра коня богатырского, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милует? Что ты от царя не весель ѣдешь? Или тебѣ у царя мѣсто было не по обычаю, или тебѣ от царя было слово кручинное?»

И говорить ему князь Лазарь Лазаревичь: «Мѣсто мнѣ у царя было по обычаю; стольники и чашники доходили до меня; одно мнѣ от царя было слово кручинное. Когда бывають дѣти отцу и матери на потѣху, а под старость — на перемѣну, и по смерти — поминок; а ты мнѣ, дитятко, смолода — не на потѣху, а под старость — не перемѣна, а по смерть — не поминокъ! Да ходишь ты, ди-

тятко, ко царю на двор и шутишь шутки не гораздо добры: ковохватишь за руку — у того рука прочь, ковохватишь за голову — у того голова прочь, ковохватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебя князья и бояра били челомъ; царь тебя ис царства велѣл вонъ выслать».

И Еруслонъ Лазаревич стоячи усмѣхнулся, а самъ говоритъ таково слово: «То мнѣ, государь батюшко, за обычай, что велел меня ис царства вон выслать; одна на меня кручина, батюшко, великая: ходил я по твоимъ стоиламъ и по конюшнямъ, во аграмаках* и в коняхъ, и в жеребцах не мог себѣ лошатки выбрати, коя бы мнѣ по обычаю и могла бы мнѣ послужить».

И тутъ съдши Еруслон *Лазаревичъ на свой доброй* конь, и поѣхал ко двору своему. И приѣхалъ в домъ отца своего, учалъ прощатца у отца своего и у матери в чистое поле гулять. И отецъ князь Лазарь Лазаревич и матери его Еписимия отпускаетъ его, и даютъ ему 20 отроковъ, 50 мудрых мастеров, и велѣли дѣлать близ моря каменную полату.

И тутъ мастера при мори каменную полату здѣлали въ 3 дни и гонца послали; и гонецъ посланныя рѣчи сказал, что, де, та полата здѣлана на брегѣ моря.

И тут Еруслон Лазаревич *учал* у отца своего и у матери просить благословения. И они его благословили, и поѣхал Еруслонъ Лазаревич в каменную полату.

И отецъ его отпускаетъ за нимъ наряду и имѣния многое множество, и злата, и *сребра*, и скатного¹ жемчюга, и камня драгаго, *самоцвѣтного*, и всякого обилия много; отпустил ему коней добрых доволно, на службу ему дал сто отроковъ избранныхъ и вооруженных. И Еруслон Лазаревич не емлетъ себѣ и ни единого отрока и отцовы казны ни единого пѣнзя,* ни скатного жемчюгу, ни драгаго камня, ни добрых коней, и ни единого себѣ отрока, и все отпустилъ назадъ, только себѣ взял седло черкасское* да узду тасмянную², да войлочки косящаты³.

И приѣхал Еруслон Лазаревич к морю, и вшелъ в бѣлокаменную полату, и *постлал* под себя войлочки косящатые, а в головы положилъ седло черкасское да узду тасмянную и легъ опочевать.

И поутру встав Еруслонъ Лазаревич, рано учалъ ходить по диким заводямъ и по губамъ морскимъ,* и учал гусей и лебедей стреляти, и сѣрых птицъ, и тѣмъ себя кормилъ.

И ходил Еруслон Лазаревич мѣсяць, и другой, и третей, ажно нашел сокму⁴; въ шырину та сокма пробита какъ доброму стрелцу стрелить, а в глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокме, Еруслон удивился и говоритъ таково слово: «Кто, де, по сей сокме ѣздитъ?»

Ажно, де, по той сокме ѣздитъ богатырь, стар человекъ, конь под нимъ сифъ⁵ — Алокти-Гирей. И увидѣвъ стар человекъ младаго юношу, и слазилъ с

¹ круглого; ² тесьмовую; ³ узорчатые; ⁴ дорогу; ⁵ сивый (сив).

своего з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему Еруслану Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? Почто ты, государь, в сие мѣсто, в такую пустыню заѣхалъ, и кои тебя вѣтри завѣли?»

И говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате стар человекъ! Почему ты меня знаешь и именемъ называешь?» И говорить ему стар человекъ: «Государь мой Еруслон Лазаревичъ! Какъ мнѣ тебя не знать и именемъ не назвать? Я старой слуга отца твоего, стерегу в поле лошадиное стадо тритцать три лѣта и ѣзжу ко отцу твоему по-одинова на год поклониться, и жалованье беру, и язъ тебя знаю».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате стар человекъ! Какъ тебя по имени зовутъ? И мнѣ бы тебя добромъ пожаловать!» И говорить ему стар человекъ: «По имени зовутъ меня, государь, Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, горазной стрелець, сильной борець, в полку богатырь».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Я сюды зашел волею: похотѣлъ в поле казаковать, и горести принять, и желание получить. Язъ топере робенокъ младъ, учалъ с неразумия играть во дворѣ з боярскими дѣтми и с княженецкими, и шутки шутить учалъ не горазно добры, и царь того не залюбилъ — велѣлъ меня ис царства вон выслать. Да то мнѣ не кручина, что велѣлъ меня царь ис царства вонъ выслать, только одна кручина великая, что ходил я у отца своего по стойламъ и по конюшнямъ, во аграмаках и в жеребцах не мог себѣ выбрать лошади, коя бы мнѣ могла послужить».

И говорить ему Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, гораздой стрелець, сильной борець, в полку богатырь: «Государь Еруслон Лазаревич! Есть у меня конь сифъ, подлас¹, и буде те ево поймаешь, и онъ тебѣ будетъ служить; а буде ты ево не поймаешь, и тебѣ ево во вѣки не видать».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате Ивашко! Какъ мнѣ того видѣти коня?» И говорить ему Ивашко: «Государь Еруслонъ Лазаревич! Видѣти того жеребца по утру рано на зорѣ, какъ погоню на море поить лошадей». И Еруслонъ Лазаревич легъ поживать в каменной полате.

И поутру рано встав, Еруслон Лазаревич пошел на сокму и взялъ с собою узду тасмянную, и встав в сокровенномъ мѣсте, под дубомъ. Ажно Ивашко лошади к морю пригнал, и Еруслон Лазаревич посмотрилъ на море, де, ажно жеребець пьеть, и на море волны встают, по дубамъ орлы кречуть, по горамъ змеи свищуть, и никакой человекъ на сырой землѣ стояти не можетъ. И Еруслон Лазаревич удивился.

Какъ будетъ жеребець против Еруслона Лазаревича, и Еруслонъ Лазаревич ударил *наотмашь*, и конь доброй пал на окарачки. И хватаетъ его Еруслон Лазаревич, добра коня, за гриву, и наложил на добра коня узду тасмянную, и повел его к полате бѣлокаменной. А Ивашко за нимъ поѣхалъ.

¹ увертлив.

И приѣхал Еруслон Лазаревичъ к полатѣ бѣлокаменной, и учал седлатъ того жеребца, и оседлалъ, и учалъ поѣждивать; и рад бысть велми, что ему служить можетъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, сильной борець, горазной стрелець, в полку богатырь! Какъ жеребцу имя дать и какъ ево называть?» И говоритъ ему Ивашко Сивой конь: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Когда можетъ холопъ прежде государя такову животу имя дать или какъ его называть?» И назвалъ его Еруслонъ Лазаревичъ, добра коня, Арашем вѣщимъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате Ивашко, поѣдь ты ко отцу моему и к матери, и поправъ имъ от меня челобитѣѣ, и скажи имъ, что поѣхал в чистое поле гулять и изъѣзжать князя Ивана, руского *богатыря*, и добраго коня себѣ добылъ, что можетъ ему послужить». И говоритъ Ивашко: «Государь мои Еруслон Лазаревичъ! Поѣдь з Богомъ!»

И Еруслонъ Лазаревичъ поѣхал ступью бредучею, а Ивашко провожалъ его и поѣхалъ за ним ¹во всю пору¹ лошадиную. И Еруслон Лазаревичъ выпередилъ Ивашка и из очей у него выѣхал.

А Ивашко *воротился* от Еруслона прочь, и поѣхалъ ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичю, и сказалъ ему от Еруслона посланныя рѣчи, и куды он поѣхал, и добра коня себѣ добылъ, что тотъ конь можетъ ему послужить.

И отецъ ево князь Лазаръ Лазаревичъ и мати его Епистимия о сыне своемъ возрадовались, о томъ Ивашка честно дарили великими дарми, и отпустили его в чистое поле к своей службѣ, гдѣ ему прежд дано приказано, у коней. А Еруслон Лазаревичъ поѣхал в чистое поле.

И ѣхал мѣсяць, и другой, и третей, ажно наѣхал Еруслонъ Лазаревичъ в чистѣ полѣ рать-силу побитую. И вѣхал Еруслон Лазаревичъ в тое ратное побоище, и крикнулъ громко голосомъ: «Есть ли в сей рате живъ чловѣкъ?» И говоритъ ему живъ чловѣкъ: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Ково ты спрашиваешь или кто тебѣ надойбенъ?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, живъ чловѣкъ! Чья рать-сила побитая, и хто ея побивалъ?» И говоритъ ему живъ чловѣкъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Та рать-сила побитая лежитъ Феодула царя, змия, а побивалъ ея князь Иванъ, руской богатырь, а доступаетъ у него пре-красныя царевны Кондурии Феодуловны, *ищетъ* ея за себя взять, неволею».

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, живъ чловѣкъ! Далече ли ево сустигать?» И говоритъ ему живъ чловѣкъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Недалече его съѣзжать, князя Ивана, руского багатыря: объѣдь ты сию рать-силу побитую, и увѣдаешь коней слѣдъ».

¹⁻¹ во всю силу.

И Еруслон Лазаревич объѣхалъ рать-силу побитую, и нашед ступь *ко-невью* ис копытъ: скакано з горы на гору, доли и подолки вон выметываны. И Еруслон Лазаревич поѣхал тѣм же путемъ, и сталъ скакать з горы на гору, доли и подолки вон выметывалъ. И говоритъ самъ себѣ: «Конь коня лутчше, а молодець молотца и давно удалѣя!»

И ѣдетъ мѣсяць, и другой, и третей, и наѣхал в чистѣ полѣ шатер стоять, а у бѣла шатра доброй конь стреножень, на бѣлой полсте¹ зоблетъ² бѣло-ярую пшеницу. И Еруслон Лазаревич припустил добра коня Араша вѣшаго к тому же корму, а самъ пошелъ в бѣлѣ шатеръ, ажно въ бѣлѣ шатрѣ опочевает млад молодець замертво. И Еруслон Лазаревич вынял у себе саблю булатную, и хошет его скорой смерти предать; а самъ себѣ подумал: «Не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человекъ, аки мертвой». И Еруслонъ Лазаревич легъ опочевать в шатрѣ, на другой сторонѣ, и уснулъ крепко.

И князь Иван, руской богатырь, пробудился и вышелъ из шатра вон, и посмотрил на свой доброй конь: ажно ево добрый конь далече отбить, и щиплетъ траву в чистѣ полѣ, а на бѣлой полсте чюжь конь, незнаемъ, и зоблетъ бѣлюя-рую пшеницу.

И князь Иван, руской багатырь, вшел в шатер и посмотрил: ажно в бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ млад молодець. И князь Иванъ, руской багатырь, вынял саблю булатную и хошетъ его смерти предать. А самъ себѣ подумал: «Не честь мнѣ будетъ, не хвала молодецкая, сонного человекъ убить: сонной человекъ аки мертвой».

Учал будить: «Стань, человекъ, убудись! Не для ради моего бужения, для ради своего спасения! Не вѣдаешь, что не по себѣ товарища избираешь, за то рано напрасною смертью умрешь! За что лошадь свою к чюжему корму припускаешь, а самъ не спросясь в чужей шатер ходишь? За то люди напрасно много крови проливають! И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуда ѣздишь, и какова отца сынъ?»

И говоритъ ему Еруслон Лазаревич: «Господине, князь Иванъ, руской богатырь! Язъ ѣду от Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичъ, а мати у меня Епистимия, а меня зовут Еруслономъ. А добра коня к чюжему корму припустил, что ему стоять бѣз корму неугодно, а твоего коня прочь не отбивал. Что ты говоришь — не гораздо ладно! Когда бывають люди добрые, и они прежь худыхъ речей пьютъ и ядятъ, и потѣшаютца, и в чистѣ полѣ разѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ, руской багатырь, чемъ вода черпати?» И говоритъ ему князь Иван, руской богатырь: «Есть у меня чара, чемъ вода черпать»

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Князь Иван, руской богатырь! Когда тебѣ есть чемъ вода черпать, и ты почерпни воды и умойся, да и мнѣ по-

¹ холстине; ² ест жадно.

дай!» И говорит князь Иванъ, руской багатырь: «Еруслон Лазаревичъ! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать, а ты дитя молодое!» А в те поры Еруслонъ Лазаревичъ шти лѣтъ по седьмому году пошло.

И говорить Еруслон *Лазаревич*: «Князь Иван, руской багатырь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать! Не имав птицу — да теребишь, а добра молотца не *отвѣдав* — да хулишь и хулу возлагаешь». И говорит Иванъ, руской багатырь: «Я во князѣх князь, а в боярех боярин, а ты казакъ! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать!»

И говорит ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ в чистѣ полѣ багатырь, и у царей во дворѣ багатырь; а ты когда у царей во дворѣ — и тогда ты князь, а когда ты в чистѣ полѣ — и тогда ты песь, а не князь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать!»

И видитъ князь неминуемую бѣду, и взем чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подал.

И Еруслонъ Лазаревичъ умылся, и сядилъ на свои добрыя кони, и князь Иванъ, руской багатырь, поѣхал во всю пору лошадиную, а Еруслон поѣхал ступью бредучею. И понадогнал Еруслонъ Лазаревичъ, и ударил своего добраго коня Араша вѣщаго по окаракамъ, и выпередилъ князя Ивана, руского багатыря, и помолился: «Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякого челоука убить копьемъ, тупымъ концемъ!»

И оборотил Еруслон свое долгомѣрное копье тупымъ концемъ, и ударил князя Ивана, руского богатыря, долгомѣрнымъ своимъ *копьем*, и вышибъ его изъ седла вон; и Арашъ, его вѣщей конь, наступил на ¹*доспѣшное* ожерельце¹. И обратил Еруслон Лазаревичъ свое копьѣ долгомѣрное острымъ концемъ, и хошетъ его смерти предать.

И говорить ему князь Иванъ, руской багатырь: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Не дай смерти, дай живота! Прежь сего у нас брани не бывало, а и впредь не будетъ!»

И Еруслон Лазаревичъ слазил з добра коня, и принимаетъ его за правую руку, и целуетъ его во уста сахарныя, и называетъ его братомъ. И поѣхалъ Еруслон Лазаревичъ ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ. И припустили своих добрых коней к одному корму, и сами пошли в бѣль шатеръ, и учили пити, и ясти, и веселитися.

И как будутъ оба на-веселие, и говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате, князь Иванъ, руской багатырь! Ъхал я в чистѣ полѣ, и наѣхал я две рати побитыя лежать, и кто ихъ побивал?» И говорит князь Иванъ, руской багатырь: «Та рать-сила побитая Феодула-царя, змия, и побивал язъ. А достаю у него яз прекрасныя царевны Кондурии Феодуловны, и хощу ея за себя взять; а сказываютъ, что ея краше на свѣте нѣтъ; и взавтра у меня будет *останошной*² бой.

¹—1 ворот кольчуги; ² последний.

И ты, Еруслонъ Лазаревичъ, встань въ сокровенномъ мѣсте, и посмотри моеи храбрости». И потешався, легли спать.

И поутру, встав рано, князь Иванъ, руской богатырь, оседлав своего добраго коня и поѣхал в чистое поле, а Еруслонъ Лазаревичъ пошел пѣшь и вѣсталъ в сокровенномъ мѣсте, и учал смотреть; и какъ приѣдетъ на князя Ивана, руского богатыря, Феодуль-царя, змия, конных и вооруженных отроков 30 000, по морю и по берегу.

И не ясен соколъ напускаетца на гуси-на лебеди, напускается Иванъ, руской богатырь, на рать Феодула-царя, змия, и побилъ, и присекъ, и конемъ притоптал 20 000, и самого Феодула-царя, змия, убилъ, и которые остались — люди малыя и старыя, и нѣкому против Ивана, руского богатыря, битись. И взялъ князь Иванъ, руской богатырь, прекрасную царевну Кондурию Феодуловну, и повель ея к своему шатру, а достальная сила Феодула-царя, змия, воротилась к своему царству.

И привель князь Иван, руской богатырь, в бѣль шатер Кондурию Феодуловну; а Еруслонъ Лазаревичъ за нимъ тут же пришелъ в шатер; и учили пити и *ясти*, и веселитися. И легъ опочевать с нею Иван, руской богатырь, а Еруслон из шатра вон вышел.

И говорить князь Иванъ, руской богатырь: «Милая моя, прекрасная царевна Кондурия Феодуловна! Для тебя язъ со отцемъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ, и конем притоптал больше 50 000, а все для тебя. Есть ли тебя на свѣте краше, а моего брата Еруслона храбрѣе и сильнѣе?»

И говорить ему царевна Кондурия: * «Государь Иванъ, руской богатырь! Кровь отца моего и воинских людей не по красотѣ моеи пролита, но по грѣхам; я, государь, что за красна! А есть, государь, в чистѣ поле, в бѣле шатрѣ, три дѣвицы царя Богрия, а по имени зовуть их: болшая — Прондора,* а середняя — Мендора,* а меншая — Легия.* А которая, государь, пред нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и ночь, — та вдесетеро меня краше! А язъ что за красна и хороша? Когда я была у отца своего и у матери, а тепере — полоняничное тѣло: волен Богъ да и ты со мною! А есть, государь, под *Индѣйскимъ* царствомъ, служить у царя Далмата челоувѣкъ, а зовуть его Ивашкомъ, Бѣлая Япанча. А слыхала язъ у отца своего, уже он стережетъ в чистѣ полѣ на дороге 33 лѣта, а во царство мимо ево никаковъ богатырь не проѣзживал, ни звѣрь не прорыскивал, ни птица не пролѣтывала; а язъ, государь, брата твоего Еруслона Лазаревича храбрости не видала и не слыхала, кои у нихъ *храбрѣе*».

И Еруслонъ Лазаревичъ все то слышал, и богатырское сердце неутерпчиво: входитъ в бѣль шатеръ, образу Божию молится, брату своему поклоняетца, и с нимъ прощаетца, и садитца на свой доброй конь, и поѣхал в чистое поле гулять, ко Индѣйскому царству, поклонитися царю Далмату да свидетца со Ивановъ, Бѣлой Епанчой.

И ъдетъ мѣсяць Еруслон Лазаревичъ, мѣсець, и другой, и третей, а самъ себѣ подумалъ: «Поѣхал я, де, въ дальнюю страну, а не простился я ни со отцемъ, ни с матерью, и не видали онѣ меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ!» И воротился Еруслонъ Лазаревичъ во царство царя Картауса Картаусовича, и ко отцу своему, и к матери.

И ъдетъ мѣсяць, и другой, и третей, и доѣхал до царства царя Картауса Картаусовича. Ажно подь царствомъ царя Картауса стоитъ Данило Бѣлой князь, а с нимъ войско 90 000, и похваляетца царство ¹за щитомъ¹ взять, и царя Картоуса взять жива, и князя Лазаря Лазаревича, и 12 богатырей.

И увидѣвши Еруслон Лазаревичъ под царствомъ рать-силу великую, и поступить к бою нѣчемъ: нѣтъ у Еруслона ни щита крепкаго, ни копыя долгомѣрнаго, ни меча остраго. И поѣхалъ *Еруслон* Лазаревичъ ко двору и ко градной стѣнѣ, и видѣли ево, что ъдетъ Еруслонъ, и отворили ему ворота градныя, ажно отецъ ево ездить во обѣждихъ головах.*

И Еруслон Лазаревичъ, не доѣзжаячи отца своего, слазить з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему батюшку, Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Бог милуетъ, и что ты, государь, ѣздишь невесель, кручиновать?»

И говорит князь Лазарь Лазаревичъ: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Какъ быть мнѣ веселу? Приѣхал под наше царство князь Данило Бѣлый, а с нимъ войска 90 000, конных и вооружонных; и похваляетца царство наше за щитомъ взять, а царя Картауса и 12 богатырей хоцетъ к себѣ взять».

И говорить Еруслон Лазаревичъ: «Государь мой батюшко, князь Лазарь Лазаревичъ! Пожалуй ты мнѣ свой крѣпкой щитъ и копые долгомѣрное, и язъ учну с татары дѣло дѣлать!»

И говорить ему князь Лазарь Лазаревичъ: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Ты дитятко молодое, не бывал на дѣле ратномъ, и услышишь свистъ татарской, и ты устрашишься их, и онѣ тебя убьют».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Не учи, батюшко, гоголя* на водѣ плавать, а багатырского сына с татары дѣло дѣлать».

И даетъ ему князь Лазарь Лазаревичъ свой крепкой щитъ и копые свое долгомѣрное, и Еруслонъ Лазаревичъ емлетъ щитъ под пазуху, а копые в руку, и выѣхал Еруслон Лазаревичъ в чистое поле гулять, и учал побивать рать-силу князя Данила Бѣлого, и прибил, и присѣкъ рать-силу татарскую, и поймал самого князя Данила Бѣлого, и взял на него клятву, что ему, князю Данилу Бѣлому, ни дѣтем его, ни внучатамъ под *царство* царя Картауса не приходить; и какъ приидетъ опять под царство царя Картауса, и какъ выдастъ Богъ в руки, и ему живому не быть. И отпустил его во свою землю, ко граду его. А войско толко осталось 2000.

¹— т. е.: приступом.

Как ъдет Еруслон Лазаревич ко царству Картаусову, и встречается его самъ царь Картаусъ за градомъ, и Лазарь Лазаревичъ, и 12 богатырей. И Еруслонъ Лазаревичъ, не доезжаячи отца своего и царя Картауса, слазить с своего з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ васъ, государей моихъ, Богъ милуетъ?»

И говорить царь Картаус: «Виноват я, Еруслонъ Лазаревичъ, пред тобою, что велѣлъ тебя ис царства вонъ выслать; и нынѣ ты живи у меня в царствѣ, и емли города с приготками и с красными селами; казна тебѣ у меня не затворена, а мѣсто тебѣ подле меня, а другое — противъ меня, а третий — гдѣ тебѣ любо».

И говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Картаус! Не надобѣ мнѣ твоей ничего, и не повадился я у тебя во царствѣ жить, повадился я в чистѣ полѣ казаковать». И прикушал Еруслон Лазаревичъ хлебца маленько у царя, и простился со царемъ и со отцемъ своимъ, и с матерью, со всѣмъ царством, и поѣхал в чистое поле.

И ѣхал польгодищное время, ажно наѣхал в чистѣ полѣ шатерьъ, а в бѣле шатрѣ три девицы седятъ: Прондора да Мандора да Легия, *царевны*, дочери царя Богрия; таковых прекрасных на свѣте нѣтъ. А делаютъ дѣло ручное. И вшел к ним Еруслон Лазаревичъ в бѣлъ шатер, забылъ образу Божию молиться, что сердце его разгорѣлось, юность его заиграла, и емлетъ себѣ большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ из шатра вон вытѣти, а сам с нею легъ спать на постелю, и говорить ей: «Милая моя, прекрасная царевна Богриевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» И говорить ему прекрасная царевна Прондора: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ, что я за красна? Когда я была у отца своего и у матери, тогда яз была и красна, и хороша, а нонеча язъ полоняное тѣло. А есть, государь, подѣ Индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата, человекъ, а зовутъ ево Иванъ, а прозвище Бѣлая Японча, и стоитъ в чистѣ полѣ на дорогѣ; мимо ево никакой человекъ не прохаживал, ни богатырь не проѣждивал, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролѣтывала, и никакой богатырь не проѣждивал, а ты что за храбрѣе? Обычная твоя храбрость — что ты насъ, дѣвокъ, разгнал... грабил!»

И стал Еруслон Лазаревичъ с постели, и взял острую саблю свою и отсѣкъ ей голову, да и пот кровать бросил. И емлетъ себѣ на постелю вторую сестру, Мендору, и говорить ей Еруслон Лазаревичъ: «Милая, прекрасная Мендора Богриевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» И она ему тѣ же рѣчи сказала, и он ей главу отсѣкъ и под кровать бросил.

И емлетъ третью девицу, Лѣгию, к себѣ на кровать и говорить ей: «Милая моя, прекрасная царевна Легия! Есть ли тебя на семъ свѣте краше, а меня храбрѣе?» И говорить ему Легия, девица: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Язъ что за красна и хороша? Когда я была у отца своего во царствѣ, тогда я была

красна и хороша, а нынѣ — полоняное тѣло. Которое ты у меня красоты захотѣлъ? А есть, государь, под Индѣйским царствомъ, у царя Долмата, человекъ, а зовут его Ивашко, а прозвище Бѣлая Япанча; а стоитъ он на дороге в чисте полѣ; мимо его никаков богатырь не проѣзживал, ни звѣрь не прорыскивал, и никаков человекъ не проѣзживал, ни птица не пролѣтывала. А я у васъ не вѣдаю, кои храбрѣе и сильнѣе. Да есть, государь, во градъ Дербие, у царя Фарфоломея царевна Настасѣя; которая, государь, предъ нимъ предстоящая, и та вдесятеро меня краше!»

И тутъ Еруслон Лазаревичъ, став с постели, и говоритъ ей таково слово: «Милая моя, прекрасная царевна Легия! Живи ты в чистѣ полѣ, не бойся никого, а сестеръ своих схорони».

И Еруслонъ Лазаревичъ сѣлъ на свой доброй конь и поѣхалъ в чистое поле, ко Индѣйскому царству, ко царю Далмату поклонится да свидѣтца с Бвашком, Бѣлой Епанчей.

И едет Еруслон Лазаревичъ мѣсяцъ, и другой, и третей; а в тѣ поры Еруслонъ Лазаревичъ седми лѣтъ; и доѣхалъ: ажно в чистѣ полѣ стоитъ человекъ, копьемъ подпершись, во *бѣлой* япанче,* шляпа на немъ сорочинская,* и стоячи дремлетъ.

И Еруслон Лазаревичъ ударилъ ево по шляпе *плетью*, и говоритъ: «*Человѣче*, убудися! Мошно тебѣ и лежа наспатца, а не стоя!» И говорит Ивашко, Бѣлая Япанча: «А ты кто еси, и какъ тебя зовутъ по имени, и откуда ѣздишь?»

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичъ: «Язъ ѣду от Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичъ, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслономъ; а ѣду я во Индѣйское царство поклонится царю Далмату».

И говоритъ ему Ивашко, Бѣлая Япанча: «Брате Еруслонъ Лазаревичъ! Прежъ сего мимо меня не проѣзживал никаков багатырь, а ты хочешь мимо меня проѣхать? Поѣдемъ в чистое поле и отвѣдаемъ плечь своихъ багатырскихъ».

И тут скоро сядились на своѣ добрыя кони и поѣхали в чистое поле гулять. Ивашко поѣхал во всю пору лошадиную, а Еруслон поѣхалъ ступью бредучею; Ивашко заѣхал наперед, а Еруслон Лазаревичъ помолился: «Боже, Боже, Спас милостив! Дай мнѣ, Господи, всякого человекъ убить копьемъ, тупымъ концем!»

И удари Еруслонъ Лазаревичъ Ивашка против сердца ретиваго копьемъ, тупым концемъ, и вышибъ из седла вон. И Арашъ, его вѣшей конь, наступил на доспѣшное ожерельеце и пригнелъ к сырой землѣ. И обратилъ Еруслонъ Лазаревичъ копье острымъ концемъ, и хочеть его скорой смерти предать.

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате Ивашко! Смерти хошь или живота?» И молитца Ивашко, лѣжа на земли: «Государь Еруслон Лазаревичъ!

Не дай смерти, дай живота! Прежь сего у нас брани не бывало, да и впредь не будет!»

И говорит ему Еруслон Лазаревич: «Брате Ивашко! Не убил бы ты, да за то тебя убью, что знают тебя в чистъ полъ всякия красныя дѣвки». И обратил Еруслон Лазаревич копье острым концемъ, и предал его смерти, а самъ поѣхал ко Индѣйскому царству, поклонитися царю Далмату.

И Еруслонъ Лазаревичъ, какъ приѣхал ко царству, и въѣхалъ на царевъ дворъ, и слезъ с своего добраго коня, а самъ пошел ко царю в полату; образу Божию молитца, царю Далмату поклоняетца: «Многолѣтное здравие царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего, приими в службу!»

И говоритъ ему индѣйский царь Далматъ: «Откуда еси, человекъ, пришелъ, от котораго царства, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?» И говоритъ ему Еруслон Лазаревичъ: «Государь царь Далматъ! Ёжжу я от Картаусова царства, а рождения сынъ князя Лазаря Лазаревича, а матери Епистимии, а меня зовутъ Еруслонъкомъ» — «Каким же ты *путѣмъ* ѣхал, коннымъ или пѣшимъ или водянымъ?»

И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Далмат, язь ѣхал сухимъ путемъ». И говоритъ царь Далматъ: «Еруслонъ Лазаревичъ! Есть у меня человекъ на дорогѣ стоит, в чистъ полъ, а зовут ево Ивашком, прозвище Бѣлая Япанча; мимо ево никаков богатырь не проѣждивал, ни звѣрь не прорыскивал, ни птица не пролѣтывала, и никаков человекъ не прохаживал. А ты какъ проѣхал?» И говоритъ ему Еруслон: «Язь, государь, не вѣдал, что твой человекъ, и я ево убилъ». И тутъ царь Далматъ убоялся: «Когда, де, он такова богатыря убилъ, и он, де, царствомъ моимъ завладѣеть».

И *стал* царь Далматъ кручинovat: «А не на то, де, он приѣхал ко мнѣ во царство, что ему служить, но на то он приѣхал, что ему царствомъ завладѣть моимъ». И велѣлъ Еруслону чтити честию великою, и поить, и кормить своимъ царскимъ питиемъ довольно. И узналъ Еруслонъ Лазаревичъ, что его царь убоялся, и оседла коня своего, и вшедь в каменную полату, образу Божию молитца, и с царемъ Далматомъ прощаетца, и поѣхалъ Еруслон из града вонъ. И царь возрадовался радостию великою, что Богъ избавилъ Еруслона, и повелѣ градныя врата затворити и утвердити, чтобы «Еруслон назад не воротился и царства бы нашего не попленилъ».

И поѣхал Еруслонъ Лазаревичъ ко граду Дербию, к царю Варфоломѣю поклонитися, а хошет видѣти прекрасную царевну Настасию Варфоломѣевну, что он слышал про ея красоту. А в тѣ поры Еруслон Лазаревичъ осми лѣтъ на девятомъ году.

И ѣдетъ мѣсяць, и другой, и третей, а самъ себѣ подумал: «Поѣхал, де, я в дальнюю страну, не простаясь ни со отцемъ, ни с матерью; а естли мнѣ слюбитца прекрасная царевна, и я на ней женюся, а у отца своего и у матери не благословился!»

И поѣхал Еруслонъ Лазаревичъ х Картаусову царству, ажно Картаусово царство пусто, поплнено, и огнемъ пожжено, и мхом поросло; лишь только одна хижинка стоитъ, а въ хижинке стар человекъ об одномъ глазѣ.

И Еруслон Лазаревичъ вшел в хижину; образу Божию молитца, старику поклоняетца. И говорит Еруслон Лазаревичъ: «Брате стар человекъ! Гдѣ сие царство дѣвалось и кто пленил?» И говоритъ ему стар человекъ: «Господине воин! Откуда ѣдешь и какъ тебя по имени зовутъ?» И говоритъ ему Еруслон Лазаревичъ: «Какъ ты, старик, меня не знаешь? Язъ здешнаго царства, сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслоном».

И тутъ старик со слезами пал на землю, и говоритъ ему: «Государь *Еруслон Лазаревичъ!* После твоего отъѣзду немного времени минуло, пришел под наше царство князь Данило Бѣлой; собрал войска 120 000, и пришел, наше царство попленил, и огнемъ пожегъ, и ратных людей побилъ, храбрых витязей 80 000, а честныхъ людей 300 800, а поповъ и чернцовъ собрал на поле и огнемъ пожегъ 472, а младенцовъ прибилъ 11 000, а женъ 14 000. А царя Картауса и отца твоего князя Лазаря Лазаревича и 12 богатырей в полонъ взялъ, и *свезъ* во свою землю. А язъ един пролежал в трупу человеческомъ, а лежал 9 дней и 9 ночей».

И встает Еруслонъ Лазаревичъ, образу Божию молитца, и с старикомъ прощаетца; и поѣхалъ к царству князя Данила Бѣлого. А в тѣ поры Еруслонъ Лазаревичъ десяти лѣтъ и трех мѣсяцей.

И поѣхал до царства в полудное время, никто не слышал и не видалъ, только видѣли малыя робятка, по улицам играютъ. И Еруслонъ у робятъ спрашивать: «Гдѣ сидитъ у князя Данила Бѣлого царь Картаусъ, в коей темницѣ? Азъ бы ему подал милостыню».

И указали ему малыя робята темницу, и приѣхал Еруслонъ Лазаревичъ к темницѣ, и у темницы стражей всѣхъ прибилъ, и ударил в темничныя двери, и вшелъ в темницу, и говорит Еруслон Лазаревичъ: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ вас, государей моихъ, Богъ милует?»

И говоритъ ему царь Картаусъ: «Человѣче, отъиди от нас прочь! Откуды пришелъ, туда и поиди, а намъ не смѣйся. Когда язъ был царь, а *тотъ* — князь, а тѣ — богатыри, а нынѣ, по грехамъ нашимъ, язъ — не царь, а тотъ — не князь, а тѣ — не богатыри, а мы сѣдимъ в темнице; уже у нас и очи выяло, и мы седимъ, и рукъ своих не видимъ».

И говоритъ Еруслон Лазаревичъ: «Язъ приѣхалъ к вамъ не смѣяться, язъ приѣхалъ поклониться; а меня зовутъ Еруслономъ, а отецъ у меня князь Лазарь *Лазаревичъ*, а мати у меня Епистимия». И говоритъ царь Картаусъ: «Аще бы Еруслонъ былъ живъ, и мы бы горести не терпѣли». И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ не лгу». И говоритъ царь Картаус Еруслону: «И ты, человекъ, называешься Еруслон Лазаревичъ? И ты нам *сослужи* службу: поѣдь ты за Теплое

море, в Подонскую орду, в Штютень град, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копыю, и убей его до смерти, и помажь намъ очи. И когда мы увидимъ свѣтъ Божий, и тебе вѣру поимемъ».

Еруслон поклонился царю Картаусу и отцу своему, князю Лазарю Лазаревичу, и 12 богатырям, и поѣхалъ из града вон.

И увидѣли его робята, собою млады, и сказали мурзамъ: «Ѣхал, де, из града вонъ человекъ, и сказался, де, намъ, что Еруслон Лазаревичъ».

И пришедъ мурзы к темницѣ, и у темницы, кои богатыри были приставлены, лежатъ прибиты. И мурза двери заключил, и пошелъ ко князю Данилу Бѣлому, и доложил ему, что был во градѣ Еруслонъ и у темницы стражей всѣхъ прибилъ.

И велѣлъ князь Данило Бѣлой в рогъ трубить и тимпаны бить. И собралися к нему мурзы и татары, и всякия люди; и велѣлъ князь Данило Бѣлой выбрать лутчих мурзъ и татаръ, конныхъ и вооруженныхъ, и велѣлъ гнаться за Еруслономъ, и велѣлъ его жива поимать и предъ себя поставить.

И погна за Еруслономъ мурзы и татары, и какъ наѣжжаютъ, и Еруслонъ остановился, и говорить имъ: «Братие мурзы и татары! Что вы слушаете своего безумнаго князя Данила Бѣлого? Не угонятца вамъ будетъ в чистѣ полѣ за вѣтромъ, а за мною же, богатыремъ, такожь».

И поѣхал Еруслонъ от нихъ за тихия воды, за Теплое море, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копыю.

А мурзы и татара учили промеж собою думу думать: «Какъ сказать про Еруслона князю Данилу? Скажем мы, что его не видали».

И ѣхал Еруслонъ Лазаревичъ полгодищное время; а в тѣ поры Еруслону минуло десять лѣтъ.

И не доѣхал Еруслонъ в Подонскую орду до Штютена града 4 поприщъ, ажно лежитъ рать-сила побитая, а в той рате лежитъ человекъ-багатырь; а тѣло его, что сильная гора, а глава его, что сильныя бугра.

И Еруслонъ выѣхалъ в побоище, и крикнулъ громко голосомъ: «Есть ли в сей рате живъ человекъ?» И говорит ему багатырская голова: «Гой еси, Еруслон Лазаревич! Кого ты спрашиваешь, и кто тебѣ надобенъ?» И приѣхал Еруслонъ Лазаревичъ к багатырской головѣ, а самъ себѣ удивилъ, что мертвая голова глаголетъ.

И говорит Еруслонъ Лазаревичъ: «Гой еси, багатырская голова! Что мертва глаголеши, или мнѣ слышитца?» И говоритъ ему багатырская голова: «Еруслон Лазаревичъ, не чюдитца тебѣ, но до-пряма *говори*, далече ли ѣдешь и куды твой путь?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «А кто ты таковъ по имени, и котораго града, и какова отца сынъ, и кто тебя убилъ?»

И говоритъ ему багатырская голова: «Был язь багатырь Задонския орды, сынъ Прохора царя, и та рать со мною лежит Вольнаго царя, Огненнаго щита, Пламеннаго копя; а побивал ея я, а по имени меня зовутъ Рослонеемъ. А прихо-

дил я под сие царство 12 лѣтъ, по-единожды на годъ. А брань у меня за то с царемъ была: отецъ мой, Прохоръ царь, сосватал за меня невѣсту ис того царства, ¹в пеленахъ¹, а от рождения мнѣ дватцать лѣтъ. А ты, Еруслонъ Лазаревичъ, далече ли ты ѣдешь?» — «Яз ѣду в Задонскую орду, в то же царство, к тому же царю, и хошу его пред собою мертва видѣти».

И говорить ему багатырская голова: «Не *видать* его пред собою мертва, хощешь от него самъ умерети. И язъ былъ человекъ, да и *багатырь*, многие меня цари и князи, восточные и западные, знали, не токмо меня боялись, но и имени моего страшылись. А какъ мати меня породила, и я былъ полторы сажени человекския, а толстота моя была — ²в обоемъ² человеку. И какъ я былъ лѣтъ 3, и у меня в чистѣ полѣ ни звѣрь не прорыскивал, и никаков человекъ не прохаживал, и никаковъ багатырь против меня не стаивал; а нынѣ мнѣ 20 лѣтъ. Ты самъ видишь возрастъ мой и *каково тѣло мое, и какова* моя голова. А *длина телу моему* 6 сажень, а *межь плечь* — 2 сажени, а *межь ушми* — *калена стрела умещаетца*, а глава у меня что велик бугор, а руки у меня *были* — 3 сажени одна рука. И тутъ³ я *против того царя не мог* стояти. И тот царь силен велми: и войска у него много, и мечь его не сѣчетъ, и сабля его не иметъ, на водѣ он не тонет, а на огнѣ не горитъ».

И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичъ в Задонскую орду, в Штютен градъ, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копью.

И какъ приѣхалъ въ Задонскую орду ко царю, и пришелъ в полату, образу Божию молитца, царю поклоняетца. И говорить ему царь: «Откуда ѣдишь, человекче, и какова отца сынъ?» И говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ ѣду от Картаусова царства, *от* отца князя Лазаря *Лазаревича*, ищу себѣ ласкавого государя, гдѣ бы *мне послужить, красное портище* износить, и добра коня *уездитъ*, слаткого медку *напитца, и молодость* свою потешить». И *говорит* ему Вольной царь, Огненной щит, Поломянное копье: «Еруслонъ, *поѣдь* ко мне в царство, мнѣ такие люди и *надобны*». И царь его пожаловал свыше всѣхъ 12 багатырей. И служить ему Еруслонъ Лазаревичъ полгодишное время.

И поѣхал Еруслон Лазаревич на потѣху. И какъ будутъ оба на-веселие, и близко трупу человекска, и Еруслонъ Лазаревичъ зговоритъ Вольному царю, Огненному щиту, Пламенному копью: «Государь царь и великий князь! Ехал я к тебѣ и видял я рать-силу побитую, много трупу человекскаго. А в той рате лежитъ живъ человекъ: тѣло его аки великая гора, а глава у него аки великая бугра». И тутъ царь от печали воздохнув, и пал на землю, и говорит царь: «Та глава ⁴лежитъ на плечѣ моемъ⁴! А под тою главою есть мечь, и всяко его аз добывал и не могъ добыти, а опричь того мѣча никаков мечь не сѣчетъ меня и не имет: на огнѣ я не горю, на водѣ не тону. А того мѣча велми боюся: какъ бы я того багатыря не убил, и мнѣ бы самому убиту от него быти».

¹—1 когда я был еще в пеленках; ²—2 в обхват; ³ при этих условиях; ⁴—4 заботит меня.

И говорить Еруслон Лазаревич: «Государь Вольной царь, Пламенное копьё! Пожалуй меня, холопа своего: язъ тебѣ тотъ мечъ добуду!» И говорить ему Вольной царь: «Еруслон Лазаревич! Какъ ты мнѣ ту службу сослужишь, и я тебя пожалую паче всѣхъ ближнихъ своихъ приятелей. А токо ты похвалился такимъ словомъ да не сослужишь, и ты у меня не уйдешь никуда, ни водою, ни землею».

И поклонился ему Еруслон Лазаревич, и сѣлъ на свой доброй конь, и поѣхал к богатырской головѣ. И как будет у нея, и говорить ей Еруслон Лазаревич: «О государыни богатырская голова, надѣючись на твое великое жалованье и милосердие! Хатѣла ты ис-под себя мѣчь свободить мнѣ, и язъ пред царемъ похвалился; и царь мнѣ такъ сказал: „Только, де, Еруслонъ, не добудешь того меча, и ты, де, у меня не можешь нигдѣ укрыться и утѣти, ни водою, ни землею”».

И слѣзшы Еруслон Лазаревич своего добра коня, и ударился о сыру землю, и говорить: «О государони богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай живота!» И богатырская голова с мѣста содвинулась, и Еруслон Лазаревич возьмъ мечъ и поѣхал; а самъ себѣ подумалъ: «Господи Боже, Спасъ *Милостивый!* Доселѣ азъ царей утешалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами богатырской головѣ поклонился!» И богатырская голова крикнула громко голосомъ, и Еруслонъ Лазаревич воротился. И Еруслонъ узнал свою вину и воротился, и слѣзъ з добра коня, и палъ на сыру землю, и говорить: «Багатырская голова, виноватъ я пред тобою, что посмешыл таковое слово».

И зговорить ему богатырская голова: «Богъ тя простить, Еруслонъ Лазаревич, в том словѣ, что дерзнул со млада ума! Не всѣмъ ты завладѣешь, что мечъ взялъ: можешь и с мечемъ быти мертвъ! Тако добра хочу. Как ты, Еруслонъ Лазаревич, приѣдешь в Штютенъ град, к Вольному царю, к Огненному щиту, к Пламенному копью, и какъ увидить ты, и не усидить на престолѣ своемъ, кинетъ жезлъ свой, и стрѣтитъ ты, учнетъ тебѣ говорить, и много добра сулить; и ты, Еруслонъ Лазаревич, послушай меня: и ударь ево по главѣ однажды. И какъ ты ево ударишь, и буде он тебѣ велить себя и вдругорядъ ударить, и ты ево не бей: и аще он с того удара оживетъ, и он тебя убьетъ». И Еруслонъ Лазаревич поклонился ей, и поѣхалъ ко граду.

И какъ въѣхалъ на царевъ двор — а мечъ несеть на плечѣ — и увидялъ его царь, скочил с престола своего, и кинул жезлъ свой, и побѣжал встрѣчать Еруслона. И говорить ему царь: «Исполать¹ тебѣ, Еруслонъ Лазаревич! Какова тебя сказывали, таковъ ты и есть! За ту тебѣ службу мѣсто у меня тебѣ первое подле меня, а другое — против меня, а третие — гдѣ тебѣ любо! Казна у меня тебѣ не затворена, а после смерти царством моимъ владѣй». И протянулъ царь руку, и хотѣлъ мечъ принять. И Еруслонъ Лазаревич ударил царя по главѣ, и разсѣкъ его надвое.

¹ слава.

И говорить ему царь: «Ударь меня, Еруслон, и вдругорядь!» И говорить ему Еруслон Лазаревич: «Ударил я тебя по главѣ, и разсѣкъ пополамъ, и ты не горазно говоришь! Богатырь единожды съчетъ». И кинулись к нему, и хотѣли его поимать, и взять, и посадить в темницу. И Еруслонъ взялъ въ руку мечъ, а в другую полцаря, и поворотился кругомъ, и убилъ князей, и бояр, и багатырей сорок человекъ.

И зговорятъ ему князя и бояра, и градские люди: «Государь Еруслонъ Лазаревич! Смирися, престани битися! Не для ради мы того к тебѣ кинулись, что драться, — чтобы ты былъ у нас царь!» И говорить им Еруслонъ: «Выбирайте вы царя промежь собою иново, а язъ вамъ не царь!»

И учал Еруслонъ ис царя желчь вынимать, и в сафьянныя сумки класть. И сел Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ из града вон; и в тѣ поры Еруслону минуло 11 лѣтъ.

И приѣхал Еруслон к багатырской головѣ, и вынялъ из сумокъ царьской желчь, и помаза багатыря Рохлея. И тут Рохлей жив сталъ, и с Еруслономъ поцеловались, и *назвали* другъ друга братомъ. И Рахлей богатырь поѣхал в Задонскую орду в Штютен град, по благословению отца своего женитца Вольнова царя на дщери Понарии царевны, царствовать в Штютенъ граде; и Еруслон поѣхал ко князю Данилу Бѣлому в царство.

И ѣхал Еруслонъ год времени, и *въѣхалъ* во градъ ночью, никто ево не слышал и не видал. И приѣхал к темницѣ, ажно у темницы стражей всѣхъ прибил, и ударил в темничныя двери, и вышѣб вон. И вшед в темницу, и говорить Еруслон Лазаревич: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичу с двумя-на-десяти богатырями!» И говорить ему царь Картаус: «Человѣче, отъиди прочь от нас, не пролыгайся!» И говорить имъ Еруслон Лазаревич: «Язъ, государь, не пролыгаюся! Куды вы меня послали, и я вамъ ту службу сослужил, и желчь из его вынялъ».

И зговоритъ ему царь Картаусъ: «Человѣче! Коли ты Еруслон называешься, и службу нашу сослужил, Вольново царя убил и из него желчь вынялъ, — и ты тою желчию помажь намъ очи, и мы свѣтъ Божий увидимъ, и тебя, Еруслон, увидимъ, и вѣру тебѣ поимем».

И Еруслон царю очи помазал, и отцу своему князю Лазарю Лазаревичу, и двоюнадесяти *богатырям* очи помазал: и они свѣтъ Божий узрили, и Еруслон на увидѣли, и возрадовались радостью великою.

И какъ утренняя заря займетца, и Еруслон вышел из темницы вон, и сядился на своего доброго коня, и поѣхал по граду. И не ясенъ соколъ напускаетца на гуси и на лебяди, *напускаетца* Еруслон Лазаревич на мурзы и на татары; прибил, и присѣкъ, и конемъ притоптал мурзъ и татаръ 170 000, а черных людей и младенцовъ в девять лѣтъ — въ крещеную вѣру привел и крестъ целовати за

¹ не лги, не обманывай.

царя Картоуса велѣлъ, а свою имъ татарскую вѣру велѣлъ проклинать. И велѣлъ бити челомъ царю Картоусу, а князь Лазарь Лазаревичъ княземъ былъ, а дванадцать багатырми быть. А князя Данила Бѣлого, поймавъ, сослалъ в монастырь, и велѣлъ пострижи, и далъ ему наказание. А за тое его убилъ, что онъ мать его убилъ, княгиню Епистимию.

И покушалъ Еруслонъ хлеба у царя маленько, Картоуса, и простился с царемъ, и со отцемъ своимъ, и з багатырми, и со всѣми людьми, и всѣлъ на свой добрый конь, и поѣхалъ ис царства вон. Царь Картоус и отецъ его князь Лазарь, много со слезами унимали: «Живи ты у нас, Иеруслонъ Лазаревичъ, Божие да твое царство, владѣй имъ, а от насъ прочь не отъезжай!»

И Еруслонъ поклонился царю Картаусу, и со отцемъ своимъ простился, и поѣхалъ ко граду Дербию, ко царю Варфоломѣю, а хошетъ видѣти прекрасную царевну Натасию Варфоломѣевну; а в тѣ поры Еруслону минуло двенадцать лѣтъ.

И едетъ мѣсяць, и другой, и 3-й, и доѣхалъ Еруслонъ до царства Варфоломѣева. Ажно под тѣмъ царствомъ озеро велико, и в томъ озерѣ лютое чудо о трехъ головахъ, на всякъ день выходитъ на берегъ и поедаетъ многия люди. А царь Варфоломѣй велитъ на всякъ день кличь кликать, чтобы Богъ послалъ такова челоуѣка, кой бы в озере чудо извелъ, «а язъ бы ему много далъ городов, и казны довольно ему, и коней добрыхъ, и людей ему на службу, сколько ему надобно».

И въехалъ Еруслонъ во градъ, и сталъ на дворѣ у вдовы. И услышалъ Еруслонъ кличь *царьскій*, что много чудо людей поедаетъ. И сѣлъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ к озеру.

И услышало чудо, что приѣхалъ Еруслонъ, и выскочило вон; конь испугался, пал на окарачки, и Еруслонъ свалился с своего добра коня на землю, и *ухватило* его чудо, и поволокло во озеро. Еруслонъ ухватилъ мечъ свой, — а доброй конь его остался на берегу, и влѣзъ Еруслонъ чуду на спину, и отсѣкъ Еруслонъ у чюда двѣ головы, и хошетъ третью голову отсѣчь.

И возмолилось чудо: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Не дай смерти, дай живота! По сей день из озера не выйду, и людей ѣсть не стану, а стану ѣсть рыбу и тину, и траву болотную, а тебѣ дамъ подарокъ велий: есть у меня камень самоцвѣтной, и язъ тебѣ отдамъ».

И говорить Еруслонъ: «Чудо, аще ты мнѣ камень отдашь, язъ тебя спущу жива». И пошло чудо во озеро, — а Еруслонъ все на намъ седѣлъ, — и взялъ у чюда камень самоцвѣтной, и велѣлъ вынести из озера на берегъ. И Еруслонъ снялъ с чюда третью голову и сѣлъ на свой доброй конь и поѣхалъ во градъ *Дербию*.

Ажно встречается его царь Варфоломѣй въ воротахъ градныхъ, и Еруслонъ Лазаревичъ не доѣзжаячи царя, слазитъ с своего добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтнее здравие государю царю Варфоломѣю! *Многолѣтствуй*, государь, во своемъ царствѣ, с князи и з баляры, и со всѣми христианы на многия лѣта! Избылъ еси *твоего* града губителя!»

И зговорить ему царь Варфоломѣй, и всѣ возрадовались радостію великою, и емлетъ Еруслон за *руку* за правую, и целуетъ его во уста сахарныя, а самъ зговорить таково слово: «Вѣдаю язъ, Божій чловѣкъ, не хотя Господь смерти грѣшникомъ, хотя нашъ град от таковаго губителя спасти, посланно за тобою, храбрымъ воиномъ. И как тебя зовутъ по имени, и откуда тебя сюды Богъ занес, и какова отца сынъ и матери?»

И зговорить Еруслон: «Государь царь Варфоломѣй! Язъ, государь, ѣжду от Картоусова царства, а от отца сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовут *Еруслоном*. А гулял язъ, государь, в чистомъ полѣ».

И царь о немъ наипаче возрадовался, что Богъ ему подал такова чловѣка храбраго. И архиепископъ того града со всѣмъ соборомъ и со кресты, и со иконами стречали с князи, и з боляры, и со всѣми своими православными христианы; поклоняетьца весь мир: и малые младенцы возыграли, и стари вострепетались; и бысть во градѣ радость великая.

И царь Варфоломѣй на радости и пиры сотворил многия и великия, и созвал князей и бояръ, и всяких чинов людей, з женами и з детми, а Еруслон взялъ е за руку, и повел к себѣ в полаты, и посадил, *учрежда* мѣсто ему подле себя, и стал ему *говорить*: «Государь Еруслон Лазаревич! Буди воля твоя, живи ты у меня во царствѣ, и емли ты города, и с пригородками, и с красными селами. Мѣсто тебѣ — подле меня, а другое — против меня, а третье мѣсто — гдѣ тебѣ любо; казна тебѣ у меня не затворена: емли себѣ злата и сребра, и скатнаго жемчюга, и камения драгаго, сколько тебѣ надойбно. И поизволишь женитися, и язъ дамъ за тебя дочью свою Настасью Прекрасную, а приданова дамъ половину царства».

И какъ Еруслон будетъ сѣдячи за столомъ на-веселие, и зговорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Государь царь Варфоломей, покажи ми дочь свою». И царь Варфоломей вѣлѣлъ итъти в полату к дочери своей, прекрасной Настасіе Варфоломѣевнѣ.

И Еруслонъ вѣставъ из-за стола, и вшед в полату, образу Божию поклоняетьца, и царевна поднесла ему розныя питъя царския. Еруслон, испив у царевны, и пошел вон ис полаты, и учалъ говорить: «Государь царь Варфоломѣй! Хочу женитися, и понять за себя дочь твою Настасію». И о томъ царь Варфоломѣй возвеселился и далъ за него дщерь свою Настасію.

И взял Еруслон Настасію Варфоломѣевну, и легъ с нею опочевать, и учал себѣ любить ея, спрашивать: «Милая моя царевна Настасія Варфоломѣевна! Есть ли на семь свѣте тебя краше, а меня храбрѣ?» Что зговорить ему царевна Настасія: «Государь Еруслон Лазаревич! Нѣтъ тебя храбрѣ! Ты, государь, князя Ивана, рускаго багатыря, побил; ты, государь, князя Данила Бѣлого побилъ, и царство его попленил; ты, государь, Ивашко, Бѣлую Япанчу, убил; ты индѣйского царя устрасил; ты, государь, Вольнаго царя, Огненнаго щита, Поломяного копя, убил; ты, государь, оживилъ Рахлѣя багатыря; ты, государь,

отца своего воскресил и змия убил. Язь, государь, что за красна! Как есть государь, а в Девичь царствѣ, в Солнышномъ градѣ, царевна Понария, сама царствомъ владѣть; иная, государя, коя пред нею стоит день и ночь, и та, государь, меня вдесятеро *краше*».

И поутру встав Еруслон Лазаревичъ рано, и даетъ женѣ своей царевнѣ Настасие Варфоломѣевнѣ камень самоцвѣтной, и зговорить ей: «Милая моя царевна Настасия! И только ты родишь сына — и ты ему вдѣлай въ перстень, а только родишь дочь — дай в приданые». А самъ пошелъ ко царю в палату, и учаль с нимъ пития пити и веселитися.

И какъ будут оба на-веселии, и Еруслон встав из-за стола, образу Божию поклоняетца, и царю бьетъ челомъ, и з женою простился. И слѣз на свой доброй конь, и поѣхаль к Девичью царству, к Солнышному граду, видѣти прекрасную царевну Панарию.

И ѣхал Еруслон полгода времени, и доѣхал до Девичья царства, до Солнышнаго града, и въѣхал во градъ, и слѣзъ с своего добраго коня, и пошел к царевнѣ в полату.

И узрѣла царевна такова воина, и возрадовалась, и учала ему бити челомъ: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Владѣй ты моим царствомъ и людми; и вся казна, и добрые люди, и кони, и я сама пред тобою; а воинских людей у меня 7000, и черных людей 300 000, владѣй!»

Еруслонъ Лазаревичъ, смотрячи на красоту ея, с умомъ смешался, и забыл свой первой бракъ. И взялъ ея за руку за правую, и целоваль ея во уста сахарныя, и *прижималъ* ея к сердцу ретивому, и назваль ея женою, а она ево мужемъ назвала. И учили себѣ жить, а царствомъ владѣти.

А Настасия Варфоломѣевна без него родила сына, и нарече во святомъ крещении имя ему Иванъ, а прозвище Еруслонъ Еруслоновичъ; *глаза* у него какъ *питныя* чаши, а лицомъ румянь, а собою ростучь. И живетъ Настасия Варфоломѣевна без Еруслона пять лѣтъ, по вся дни лице свое умываетъ слезами, ждучи своего мужа Еруслона Лазаревича.

И какъ будетъ Еруслонъ Еруслоновичъ пяти лѣтъ на шестомъ, и учаль ходить во дворъ г дѣдушку своему царю Варфоломѣю, и учаль шутить шутки с княженецкими дѣтми и боярскими, и з гостиными: ково хватить за руку — у того рука прочь, ково хватить за голову — и голова прочь; и ту гражданина не залюбили.

Еруслон Еруслоновичъ узналъ, что ево граждана не возлюбили, и пришелъ к матери своей Настасие Варфоломѣевнѣ и учал говорить: «Государыни матушка, Настасѣя Варфоломѣевна! Куды поѣхаль государь мой батюшко?» И зговорить Настасѣя: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Еруслоновичъ! Поѣхал твой батюшко к Девичью царству, к Солнышному граду». Еруслонъ Еруслоновичъ седлалъ своего добраго коня и поѣхал отца своего искать.

И как будетъ Еруслонъ Еруслоновичъ под царствомъ Девичьимъ, и скрычить громко голосомъ. И отецъ его *Еруслонъ* с постели спрянулъ, и зговорить: «Милая моя Понария царевна! Не бывали ли хто преж сего под симъ царствомъ, и не сватывался ли кто к тебѣ?» И говоритъ ему Понария царевна: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Не бывал никто прежь тебя». И зговорить Еруслонъ: «Слышу язъ, что есть под моимъ царствомъ багатырь; и я поѣду убью *ево*». И выѣхал Еруслонъ в чистое поле.

Как съѣзжаютца два сильныя богатыри: Еруслонъ Лазаревичъ ударил сына своего *против* сердца ретиваго, и мало ево ис седла вон не вышѣб; и Еруслонъ Еруслоновичъ ударилъ отца своего против сердца ретиваго, и ухватил Еруслонъ Еруслоновичъ копье рукою правою у отца своего, и возсиялъ на рукѣ перстень, а в перстни — *камень* самоцвѣтной.

И увидал Еруслонъ Лазаревичъ у сына своего златъ перстень, а в перстни камень самоцвѣтной, и учалъ спрашивать сына своего: «Чѣ дѣтище молодое, и откуда ѣздишь, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?»

И зговорить сынъ ево: «Государь храбрый воин! Язъ ѣду от града Дербии, от царя Варфоломѣя; а отецъ у меня был Еруслонъ Лазаревичъ, а мати у меня Настасия Варфоломѣевна; а отца своего в лицѣ не знаю; а поѣхал от матери своей гулять г Девичью царству».

И Еруслон Лазаревичъ брал ево за руку за правую, и целовал его во уста сахарныя, и называлъ его сыномъ. И садились онѣ на своѣ добрыя кони, и поѣхали ко Дербии граду, к Варфоломѣеву царству. И *учалъ* Еруслон сына своего спрашивать о отцѣ своемъ царѣ Варфоломѣе о здравии, и о матери его, а об своей женѣ, и о царствѣ, и о людѣхъ: «Не прихаживал ли хто без меня под наше царство, и не побивал ли кто людей в царствѣ нашемъ? ¹Я бы ему влил кровь *противо* крови»¹.

И говоритъ ему сынъ ево Еруслон Еруслоновичъ: «Государь мой батюшко, Еруслон Лазаревичъ! Дѣдушко при старосте, неможетъ², а мати моя в печалѣхъ *великих*, что тебя к себѣ дождатися не можетъ, а под царствомъ нашимъ не бывал никто».

И ѣхалъ, ѣхал Еруслон полгода времени, и приѣхал под царство Дербии-градъ, ажно во градѣ плачь и сѣтование великое: преставися у них царь Варфоломѣй.

И въѣхали они во град Дербии; граждана того града их опознали, что едет Еруслон, и с сыномъ своим Еруслономъ Еруслоновичемъ, и людие Дербии града поклонились: «Многолѣтное здравие государю Еруслону Лазаревичу и с сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ! Здравствуй, государь, на *Дербиѣ*, принял вѣнецъ *царский* и порфиру царскую, и градъ Дербии, и орду сию, и мы о тебѣ станем радоватись, а царя *Варфоломѣя* поминати!»

¹—¹ я бы ему отомстил за пролитую кровь; ² болен.

И въѣхал Еруслон на дворъ свой, и выскочила противо ево стречати прекрасная царевна Настасия Варфоломѣевна, и ниско мужу своему поклоняетца, Еруслону Лазаревичю, и говоритъ таково слово: «Солнце мое равитцкое! * Откуда зошло и меня обогрѣло? Отколе мя свѣтъ освѣтил, и отколя зоря возсияла и свѣтъ освѣтил?» И обняла его, и взяла за руку, и целовала его во уста сахарныя, и прижимала ево к своему сердцу ретивому, и повела ево в хоромы царские, и всѣ князи и боляра, и гости торговые, и черные люди Еруслону воздавались.

Еруслону слава не минуетца отнынѣ и до вѣка, аминь. Аминь.